

УДК 811.133.1(075.8)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО СУБСТАНДАРТА

Наталья Владимировна Хорошева

к. филол. н., заведующий кафедрой романской филологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. romanphil@rambler.ru

В статье освещается проблема языкового выражения смеховых архетипов в субстандартной лексике русского и французского языков на примере общего жаргона/общего арга. Автор рассматривает типичные семантические поля, специфику синонимии, а также характерные метафорические образы в плане соотношения универсального/национального в семантике данной лексики. Семантические доминанты изучаемых объектов в русском и французском языках (архетипичность семантической сферы, эмоциональность, образность) обусловлены их принадлежностью в составе субстандартных идиомов к народной смеховой культуре.

Ключевые слова: субстандарт; общее арго; общий жаргон; культура; семантика.

Интерес к изучению субстандартных идиомов – языковых подсистем, не обладающих признаком нормативности, характерен для современной лингвистической парадигмы. При этом многие исследователи рассматривают просторечие, арг, жаргоны, сленг и их различные промежуточные варианты как некий языковой гетерогенный конгломерат, что, по-видимому, связано с целым рядом причин. Во-первых, в социолингвистике в последнее время наметилась общая тенденция в сторону упрощения сложности лингвистического объекта. Во-вторых, социолингвистическая реальность современного города характеризуется усилением диффузных тенденций, «размывающих» границы между нормативным и ненормативным, делая социальные признаки носителей конкретных идиомов нечеткими. Наконец, ненормативные идиомы на практике обнаруживают целый ряд общих черт, что делает их рассмотрение в совокупности методологически оправданным.

В связи с этим данные исследования французского общего арга и русского общего жаргона – промежуточных идиомов, образованных деспециализированной лексикой социальных диалектов, распространившейся в общем узусе, – могут быть, на наш взгляд, в известной мере экстраполированы на общую характеристику русского и французского субстандарта.

Традиционно говорят о сниженности субстандартной лексики, о ее пейоративном, а иногда и вульгарном характере, но при этом, по сути, рассматривают данный объект как бы «извне», безотносительно его внутренней «фило-

софии», общекультурной и национально-культурной специфики. Обычно «волны» жаргонизации/арготизации языка рассматриваются либо в лингвистическом плане (интенсификация перемещения языковых средств по оси «центр – периферия»), либо в форме социологической интерпретации данного лингвистического явления (следствие социальных потрясений, резкого ослабления цензуры, коренных изменений в составе участников массовой коммуникации и т.п.).

Однако не менее важным является то, что общий жаргон/общее арго, будучи органичной частью языка города, естественно вливаются в «философию» народного здравого смысла, выражаемую в смехе, в «раблезианстве». Обилие «телесных», «низких», «вульгарных» образов в данной лексике (как, впрочем, и в лексике просторечия) не есть проявление особой «развращенности», моральной девиантности той среды, которая ее порождает и культивирует. Карнавальный смех, издревле лежащий в природе «низкой» лексики, амбивалентен: в низком в известной мере присутствует высокое, в смерти – рождение и т.д. Истинно карнавальный смех, гротескный, амбивалентный, пережил эпоху расцвета в средневековье, но «пережитки этой амбивалентности можно наблюдать даже в фамильярной речи культурных людей нашего времени» [Бахтин 1990: 458].

В общем жаргоне/общем арго также в известной мере присутствует элемент «раблезианства», карнавальности, поскольку большая часть этой лексики сводится к выражению ограниченного

числа смеховых архетипов. По всей видимости, данные смеховые архетипы универсальны для субстандарта разных языков: человеческое тело, его физиология, пейоративные действия, быт, названия и характеристики людей, эмоции, общение и т.п. Как следствие этой тенденции, количество означающих в данной лексике в три раза превосходит количество означаемых.

Вслед за В.С. Елистратовым, мы не склонны видеть в лексике арго и жаргонов только примитивное низведение абстрактного к конкретному, высокого к низкому. Смеховые наименования, например, частей тела через вещи мира амбивалентно «очеловечивают» этот мир. Таким образом, через призму арготической/жаргонной лексики можно наблюдать микрокосм носителей этой лексики. При этом данный микрокосм будет непременно иметь, помимо общечеловеческих, и национально-культурные черты [Елистратов 1995].

Семантические доминанты изучаемой лексики прослеживаются в нескольких плоскостях: 1) в типичных семантических полях; 2) в особенностях синонимии и центров синонимической аттракции; 3) в типичных метафорических образах.

При анализе семантики общего жаргона/общего арго четко прослеживается универсальность наиболее крупных семантических полей. Расхождения обнаруживаются при сопоставлении более частных семантических полей, где наблюдаются следующие варианты несоответствий: а) представленность в одном языке/отсутствие (лакуна) в другом языке (привативный признак); б) развернутое семантическое поле в одном языке/единичная представленность в другом (градуальный признак).

Очевидно, что в лексике как русского общего жаргона, так и французского общего арго преобладают единицы, своей семантикой относящиеся к бытовой сфере. Это закономерно, поскольку данные языковые образования – продукт повседневности, обиходной жизни, неофициальности, стихии городских субкультур. Можно с уверенностью предположить, что такая картина может наблюдаться и в лексическом субстандарте других языков.

В русском общем жаргоне самыми развернутыми являются такие семантические поля, как «нейтральные и мелиоративные действия» (39%), «пейоративные действия» (21%), «наименования и характеристики человека» (15%), «быт» (15%), «физиология» (6%), «преступный мир» (2,5%), «части тела» (1,5%). Данные семантические поля выделяются и в лексике французского общего арго, однако их количественная

представленность (развернутость) иная: «быт» (31,8%), «нейтральные и мелиоративные действия» (25%), «пейоративные действия» (14,4%), «части тела» (10%), «наименования и характеристики человека» (7,3%), «преступный мир» (4%).

Результаты лексико-семантического анализа свидетельствуют, что общий жаргон/общее арго, подобно жаргонам и арго, не отличаются большим разнообразием означаемых. Однако ранговое распределение основных семантических полей в изучаемых промежуточных языковых образованиях иное, чем в социальных диалектах.

Исследователи как русского молодежного жаргона, так и уголовных арго отмечали, что данной лексике русского языка, несмотря на ее гетерогенную природу, присуща общая черта – широкая представленность в них глаголов, объединенных общим значением «пейоративные действия» [Грачев 1995: 21]. Общеязыковой узус «отвергает» единицы, выражающие в яркой форме чуждую большинству населения, циничную мораль деклассированных элементов, а «отбирает» единицы, органично входящие в народную городскую смеховую культуру. Неслучайно эти единицы достаточно быстро утрачивают жаргонный «ореол» и воспринимаются как естественная часть экспрессивной лексики и фразеологии разговорного употребления.

Интересно, что по сравнению с русским общим жаргоном во французском арго семантическое поле «человеческое тело» почти в семь раз более развернуто (соответственно 1,5% и 10%). Именно данное семантическое поле, на наш взгляд, концентрированно выражает смеховое, карнавальное начало, присущее французскому общему арго. Смеховые арготические номинации во французском общем арго получают не только традиционные «раблезианские» объекты (живот/грудь: *bide, bidon, buffet, brioche, caisse, coco, coffre, fusil*; зад: *fesse, foiron, miches, lune, oignon, popotin*; гениталии и т.п.), но и практически все наиболее портретно значимые части тела (голова и лицо: *bille, bobèche, bobine, boule, cabèche, carafe, cassis, cerise, citrouille, coloquinte, fiole, frime, gueule, hure, pomme, poire, pêche, tirelire, trognon, trompette, tronc, tronche*; глаза: *châsses, lampions, mirettes, quinquets*; зубы: *osselets*, а также усы, рот, шея, губы, нос, язык, уши, спина, конечности, кожа и т.д.).

Человеческое тело, получая в арго самые разные метафорические наименования, как бы создает центростремительное движение: мир становится большим человеческим телом, антропоморфируется. В этом мы видим большое отличие французского общего арго от русского общего жаргона. Мы предполагаем, что вероятной при-

чиной такого расхождения являются, с одной стороны, традиции народной карнавальная смеховой культуры во Франции, своего рода атавизмом которой является антропоцентричность семантической сферы в общем аргю. С другой стороны, подобная архаичная тенденция к анимизации окружающего материального мира является, по всей видимости, универсальной для языковой модели мира деклассированных элементов разных стран. Однако в русской городской разговорной речи такие единицы не становятся распространёнными в силу социокультурных и нормативно-речевых причин. Третий круг причин связан с особенностями структуры французского и русского языка.

Национально-культурную основу имеют, на наш взгляд, расхождения в представленности в изучаемом материале двух языков более частных семантических полей.

Так, в русском общем жаргоне, в отличие от французского общего аргю, представлены такие семантические поля, как «безделье, праздность», «лениться, бездельничать», «человек ленивый»: *раздолбай, сачок, филон; сачковать, филонить, балдеть, загорать, кайфовать; кайф, халява* и др. О важности лексико-семантической группы «человек ленивый» в составе экспрессивного лексического фонда русского языка писала Н.А. Лукьянова. По ее мнению, это связано «с актуальностью семантического признака «отношение человека к труду» на уровне языковой системы, а это, в свою очередь, обусловлено социальной значимостью его на экстралингвистическом уровне: общеизвестно, что трудолюбие – одно из неперемных мерил достоинства человека, критерий нравственной оценки личности» [Лукьянова 1986: 108].

Семантическое поле «быт» во французском общем аргю имеет более сложную структуру, чем аналогичное семантическое поле в русском общем жаргоне. В обоих объектах изучения представлены такие частные семантические поля, как «предметы обихода», «деньги», «беспорядок – шум – ссора». Однако во французском общем аргю находят также выражение понятия «время» (*baille, flotte, bouillon, jus; la grande bleue*) и «пространство» (*bled, cambrouse, borne, zone*). Развернуто практически отсутствующее в русском общем жаргоне семантическое поле «природа», где арготическую номинацию имеют понятия «вода» и «водоемы» (*baille, flotte, bouillon, jus; la grande bleue*), «погодные явления (дождь, туман, холод)» (*mélasse, baille, rincée, flotter, lancer, vaser, frigo*), «животные» (*bourrin, canasson, carcan, carne, tocard, cabot, cleb, clébard, greffier, mistigri, piaf, poiscaille* и т.п.) и

др. В такой близости к природным началам просматриваются своего рода «атавизмы бытийного архаического аргю» [Елистратов 1995: 115].

Только во французском общем аргю представлено семантическое поле «дом (как место жительства)» (*bahut, cabane, cagna, crèche, piaule, taule, turne*), что, вероятно, отражает социальную значимость соответствующего концепта во французской лингвокультуре.

Сопоставительный анализ позволил выявить в семантике русского общего жаргона преимущественное отражение деятельностного аспекта человеческого бытия, а во французском общем аргю – антропо- и предметоцентричность.

Как выражение смеховых архетипов народной городской культуры могут быть рассмотрены центры синонимической аттракции в общем жаргоне/общем аргю. При этом мы принимаем во внимание структурные расхождения в русском и французском языках, накладывающие отпечаток на характер синонимии в аргю и в жаргонах.

Микрокосм носителей общего жаргона существенно отличается от мировидения носителей конкретных социальных диалектов. Так, в русском уголовном аргю наиболее объемными являются синонимические ряды, связанные с понятиями «убить», «украсть», «огрбить», «вор», «заключенный», «избить», «обмануть», «проститутка», «спиртное», «деньги», «донести», «физически и психически ущербный человек» [Грачев 1995: 21].

В русском общем жаргоне синонимические ряды не только много короче, чем в социальных диалектах, но и соотношены с другими денотатами. При этом члены синонимических рядов имеют, как правило, одну и ту же, равномерную экспрессивно-эмоциональную окраску и являются частичными семантическими синонимами, т.е. оттеняют разные стороны обозначаемого объекта (*нагреть – наколоть – охмурить – кинуть – обуть (на обе ноги); балдеть – сачковать – филонить – кантоваться – кайфовать – тащиться – загорать; борзеть – буреть – выступать – возникать – выделываться – выпендриваться – наезжать*); указывают на различную степень проявления признака, действия (*бардак – беспредел*), а также на другое смысловое своеобразие слов (*варганить – вкалывать – горбатить – пахать – упираться; вешать лапшу на уши – пудрить мозги – заливать – травить; базарить – бухтеть – разводиться бодягу – вякать – звонить – выступать – загибать*). Центры синонимической аттракции общего жаргона выражают, прежде всего, самые общие эмоциогенные понятия, связанные с бытовой сферой общения, преимущественно действия.

В целом сходная картина наблюдается и во французском общем жарго, где самые длинные синонимические ряды связаны с такими денотатами, как 'tête', 'fou', 's'enivrer', 'parler', 'argent', 'manger', 'tromper', 'voiture', 'voler', 'donner des coups', 'ventre', 'pied/jambe', 'ivre' и т.п.

Таким образом, анализ изучаемых объектов двух языков выявил, что русский общий жаргон и французское общее жарго имеют иную – количественно и качественно – синонимику, чем в отдельных жаргонах и жарго. Для данных объектов не характерна синонимическая гипертрофированность, свойственная корпоративным социальным диалектам. Значительно редуцированные по сравнению с синонимическими рядами в жаргонах и жарго синонимические ряды в изучаемых нами объектах соотносятся с денотатами бытовой сферы.

Одной из существенных черт жаргонной/арготической лексики является словесный образ, реализуемый через метафорический или метонимический перенос значения слова или одного из его лексико-семантических вариантов. По мнению многих исследователей, специфика субстандартной лексики вообще обусловлена субъективным, конкретным и эмоциональным характером выражаемой ею мысли. Высказывалось мнение, что «рядовому носителю языка чужда абстракция» [Балли 1961: 327]. Причину обилия образных средств в «нижних ярусах» разговорной речи лингвисты видят, с одной стороны, в «тенденции к повышению экспрессивности знака как общем явлении, связанном с потребностью выразить в языке личностное начало», и, с другой стороны, эта тенденция (стремление к образности) рассматривается как свойство эмоциональной речи [Долинин 1978: 327]. На зависимость переносного значения слова не от логического, а от комплексного мышления, особенность которого заключается в ориентации человека на личный опыт, указывал еще Л.С. Выготский [Выготский 1934]. Возникающие на базе комплексного мышления ассоциативные связи и приводят к образованию слов, семантически мотивированных и стилистически маркированных.

В русском общем жаргоне имеется около 27% образных единиц (преимущественно метафор и метафорических перифраз), во французском общем жарго – около 30%. Именно образные единицы ярко демонстрируют национальную специфику речевого мышления, являясь носителями национальной формы вербализованного общечеловеческого содержания.

Для единиц русского общего жаргона, образованных путем метафорического переноса, ха-

рактерно «снижение» абстрактного понятия через его конкретное обозначение. Поскольку в семантике общего жаргона доминируют единицы, обозначающие различного рода действия, наиболее распространенной является модель переноса «абстрактное действие – физическое действие» (как правило, это действие резкое, интенсивное, требующее известных физических усилий). Характерным примером в русском общем жаргоне является семантическое поле с денотатом 'понимать, соображать, разбираться': *волочь*, *врубаться*, *сечь*, *усечь*, *просечь*. Другие примеры: *гонять* 'экзаменовать строго, с пристрастием', *долбать (задолбать)* 'беспрестанно напоминать о чем-л., повторяя одно и то же; твердить', *завалиться* 'потерпеть неудачу', *загнать* 'продать', *загреметь* 'сразу лишиться высокого положения, должности', *зашибить* 'добыть, заработать в большом количестве', *колоться* 'сознаваться', *наезжать* 'провоцировать, быть в претензии к кому-л.', *обломиться* 'достаться, перепасть (о чем-н. хорошем)', *раскалывать* 'добиваться признания вины' и т.п.

По всей видимости, эта тенденция обозначения абстрактного через конкретное является общей для субстандартной экспрессивной лексики. Жаргоны (особенно молодежные) гипертрофируют эту тенденцию, а общий жаргон естественно вбирает в себя подобные единицы, которые затем органично входят в экспрессивный лексический фонд разговорного употребления.

Яркой национально-культурной чертой изучаемой субстандартной лексики в двух языках является специфическая ориентация образных единиц на их соотношенность с теми или иными органами чувств.

В целом образы русского общего жаргона часто апеллируют к слуху, к слуховым ассоциациям: *гудеть*, *дать шороху*, *долбать*, *загреметь*, *свистнуть*, *трахнуть* и т.п. Характерно наблюдение, сделанное еще А.А. Потебней: «В славянских языках, как и во многих других, вполне обыкновенны сближения восприятий... зрения и слуха» [Потебня 1993: 77]. Во французском общем жарго метафорический перенос зачастую основан на зрительных ассоциациях: *bûche* 'chute lourde' (от *ramasser une bûche*, ср. в русском языке – *шлепнуться*), *corrida* 'querelle, dispute bruyante', (*se*) *déboutonner* 'dire tout ce que l'on pense', *étriller* 'battre, malmener, réprimender' и т.п. – и даже обонятельных: *fumant* 'extraordinaire, sensationnel', *faisandé* 'se dit d'une personne, d'une société dont la morale est relâchée', *être*, *mettre au parfum* 'être au courant, mettre au courant'.

Итак, семантические доминанты изучаемых объектов в русском и французском языках (архетипичность семантической сферы, эмоциональность, образность) обусловлены принадлежностью общего жаргона/общего аргю в составе субстандартной лексики к народной смеховой культуре. Промежуточный статус данных языковых образований выражается в отличной от социальных диалектов денотативной референцированности (преимущественно бытовая сфера) и отсутствии синонимической гипертрофированности.

Национально-культурная специфика складывается из различной представленности и степени развернутости семантических полей в русском общем жаргоне и французском общем аргю. В семантическом плане русский общий жаргон характеризуется широкой соотнесенностью с деятельностно-бытийным аспектом, тогда как французское общее аргю проявляет антропо- и предметоцентричность и характеризуется более явно выраженным наличием элементов природно-бытийного начала.

Список литературы

Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с франц. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 394 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990. 541 с.

Береговская Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск: Изд-во Смол. пед. ин-та, 1975. 120 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М., Л.: Соцэкгиз, 1934. 318 с.

Грачев М.А. Происхождение и функционирование русского аргю: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 1995. 35 с.

Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978. 343 с.

Елистратов В.С. Аргю и культура. М.: Изд-во МГУ, 1995. 231 с.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.

Calvet L.-J. L'Argot. PUF, collection «Que sais-je?», 1994. 127 с.

Ullmann S. Semantic Universals // Universals of Language / ed. by J.Greenberg. Cambridge (Mass.): M.I.T. Press, 1963. Pp. 172–207.

SEMANTIC DOMINANTS OF RUSSIAN AND FRENCH SUBSTANDARD

Natalya V. Khorosheva

**Head of Roman Languages Department
Perm State National Research University**

The article presents the problem of linguistic expression of laugh archetypes in Russian and French substandard lexis at the example of common jargon/common argot. The author considers typical semantic fields, specific character of synonyms, as well as characteristic metaphoric images from the point of view of correlation of the universal/national in the semantics of the lexis in question. The semantic dominants of the objects being examined in both Russian and French are determined by their belonging, within substandard idioms, to folk laugh culture.

Key words: substandard; common argot; common jargon; culture; semantics.